

Эмир
КУСТУРИЦА:

«Я снял фильм, который хотел снять»

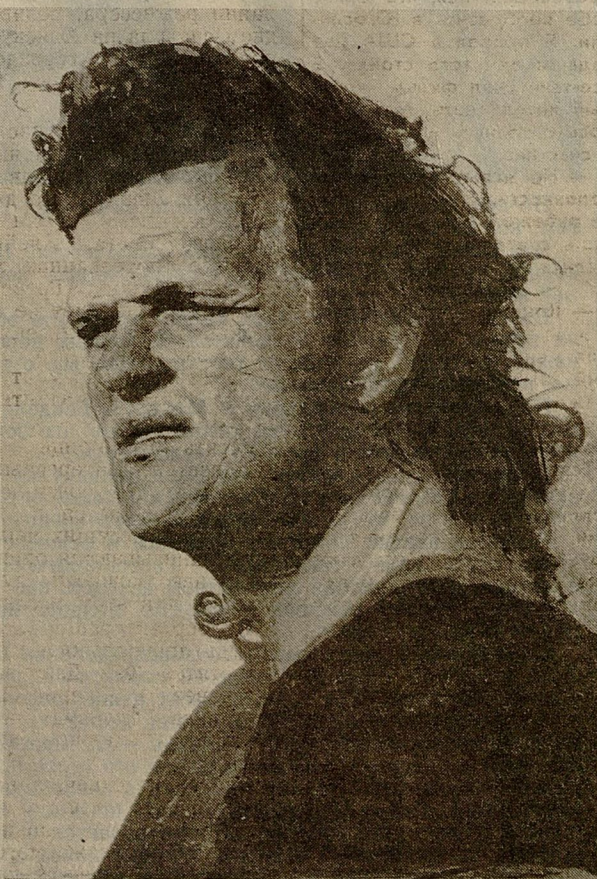
Зимой на экраны США и Европы вышел новый фильм Эмира Кустурицы «Аризонская мечта», единогласно признанный критиками важнейшим событием киносезона. 11 февраля этой картиной открывается программа Берлинского фестиваля.

Кустурица родился в Сараево в 1955 году. В 1978-м получил диплом кинорежиссера, снимал короткометражки, играл в рок-группе на бас-гитаре. В 1981-м поставил первый полнометражный фильм «Помнишь ли Долли Белл», за который получил «Золотого Льва» на фестивале в Венеции.

Четыре года спустя его второй фильм «Папа в командировке» получил Золотую пальмовую ветвь в Каннах, а еще через четыре года — третий фильм Кустурицы «Время цыган» завоевал на Каннском фестивале приз за лучшую режиссуру.

Новую ленту Кустурица снимал в США. «Та Америка, которую я люблю, похожа на фильмы, которые там больше не снимаются», — говорит он.

Незадолго до премьеры фильма во Франции режиссер дал интервью корреспондентке парижского журнала «Премьер» Кристин ХААС.



— Ваши первые фильмы были так или иначе связаны с Югославией. «Аризонская мечта» снята в США, с американскими кинозвездами, да и сама история получилась чисто американской.

— Фильм можно назвать трагикомедией. Это история молодого человека, который разбивается между двумя женщинами. Он трагический герой, но сам фильм отнюдь не является трагедией. Я пытался вести легкое повествование, рассказывая об ужасных вещах. Сценарий — только отправная точка, главное — то, что происходит в душах героев.

— Персонажей играют такие разные актеры!

— Именно этого я и добивался. Я очень уважаю такую великую страну, как Америка, но всегда хочется вывернуть миф наизнанку и заглянуть — что же скрывается за иконами? Джерри Льюис, который был моим любимым актером в детстве, в этом фильме воплощает азартную, безрассудную сторону американского менталитета. Фэй Даннауэй играет героиню а-ля Глория Свэнсон в «Бульваре заходящего солнца». Талантливая Лили Тэйлор смогла придать этой истории много энергии. Винсент Галло внес в проект свой темперамент итальянца. В каж-

дом из них живут различные аспекты сущности Нового света — такого, каким я его подсознательно ощущаю.

— Именно поэтому вы снимали в Аризоне, где происходит действие многих классических вестернов!

— Да. Это тоже часть мифологии. Я вырос с героями Джона Форда и Говарда Хоукса.

— В фильме много эпизодов, в которых мы наблюдаем за действием через окно или отражение в зеркале. Почему?

— Потому что к каждой сцене я подхожу одновременно с горизонтальной и вертикальной точек зрения. На экране перемешаны реальности и наши представления о ней. Благодаря зеркалу или окну удается добиться глубины кадра, что в свою очередь может более точно отразить психологическое состояние героя.

— Вы, наверное, очень любите животных. Во всех ваших фильмах на экранах постоянно можно видеть собак, кошек, уток, индюков, свиней — нет разве только что летающих рыб.

— Для меня искусство не имеет иной цели, кроме воздействия на эмоции. А когда на экране встречаются

человек и зверь, происходит обмен энергией. Хотя другие режиссеры гораздо больше озабочены, например, идеальным построением композиции кадра и не желают связываться с животными, которых так трудно контролировать. Но я люблю все, что наполняет экран энергией.

— Ваши воздушные кадры напоминают картины Шагала.

— Мне многие об этом говорили. Шагал дарит нам счастье, позволяя летать людям и объектам. Чувствуется, что для него жизнь и смерть образуют единое целое, бесконечный круг.

— Многие ваши герои погибают. Некоторые — при весьма драматических обстоятельствах. Некоторые — довольно смешно — как, например Лео (Джерри Льюис), который пытается улететь на Луну в золотом «кадиллаке». Неужели тот факт, что вы — атеист, облегчает ваше видение смерти!

— Я верю, но по-своему. Недавно умер мой отец, и на похоронах четырнадцатилетний сын сказал мне: «Смерть — это как яблоко, которое падает с ветки, когда созревает. Оно гниет на земле, потом исчезает, а на следующий год на той же самой ветке вырастает новое яблоко». Я верю, что жизнь и смерть — естественный круг бытия. Я знаю,

что мой отец умер, но дух его жив. Вот почему я не считаю, что смерть есть конец всего, но верю, что это начало чего-то нового.

— Почти как в вашем фильме. Аксель (Джонни Депп) становится как бы наследником духа Лео и продолжает дело его дела. Не исключено, что он женится на невесте Лео и станет директором магазина, продающего «кадиллаки».

— Да, действительно. Аксель пережил боль потери близкого человека и вступил в мир взрослых людей. И я сам после смерти отца почувствовал себя совершенно иначе.

— Во время съемок ходили разные слухи. Похоже, работа над новым фильмом была трудной, болезненной, если не сказать — травмирующей.

— Вы должны знать, что европейца, отправляющегося снимать в США, подстерегает много ловушек. Нужно быть сильной личностью, чтобы выжить. Студии производят и распространяют фильмы, как гамбургеры. Но при большом количестве неудобств есть и много преимуществ. Как только ты оправляешься от культурного шока и примиряешься с неизбежностью компромисса, дело начинает идти на лад. Здесь лучшие в мире актеры. Техническое обеспечение просто на невероятном уровне.

Возможности спецэффектов потрясающие и намного превосходят все, что я мог себе вообразить в Югославии. Я провел в США два года, и они того стоили. Я все-таки снял фильм, который хотел снять. Мне удалось сохранить его душу, и я счастлив.

— Не испытывали ли вы неловкости, снимая фильм за рубежом в то время, как ваши соотечественники сражались на гражданской войне!

— Конечно, это ужасно, и я до сих пор виню себя. Для меня это был сильнейший эмоциональный шок. Между теми, кто воевал, и такими, как я, возникла настоящая пропасть.

Теперь я — человек без прошлого, хотя, конечно, остались письма, фотографии. Но мои отношения с друзьями из Югославии уже никогда не будут прежними. Возможно, этот фильм спас мне жизнь. Теперь я все потерял, но «Аризонская мечта» осталась как воспоминание о том, что было раньше.